

ПЕТЕР ХАНДКЕ

*КОРОТКОЕ ПИСЬМО
К ДОЛГОМУ ПРОЩАНИЮ*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
X19

Серия «Эксклюзивная классика»

Peter Handke

DER KURZE BRIEF ZUM LANGEN ABSCHIED

Перевод с немецкого *М. Рудницкого*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства
Suhrkamp Verlag Berlin.

Хандке, Петер.

X19 Короткое письмо к долгому прощанию : [повесть] / Петер Хандке ; [перевод с немецкого М. Рудницкого]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-160543-8

Прозу Хандке объединяет одна мысль: бессмысленное, бездуховное существование противно человеческой природе. Его герои переживают острейший внутренний разлад с самими собой и с окружающим миром, не позволяют себе ощутить «блаженство жизни без судорог и страха».

«Короткое письмо к долгому прощанию» — хроника путешествия молодого писателя, переживающего тяжелейший духовный кризис. Из-за затяжного конфликта с женой, задавшей целью его убить, он отправляется в Америку, где переезжает из города в город, меняет отель за отелем, но на самом деле бежит от самого себя.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main, 1972
© Перевод. М. Рудницкий, 2023
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-160543-8

И однажды, когда теплым, но хмурым утром они вышли за ворота, Иффланд сказал: «Вот погодка, в самый раз из дому уйти!» А погода и впрямь благоприятствовала путнику, и небо лгнуло к земле так низко, и все предметы вокруг темнели так смутно, что казалось, взгляду и вправду не за что больше уцепиться, кроме дороги, манящей в серую даль.

*Карл Филипп Мориц
«Антон Рейзер»¹*

1

КОРОТКОЕ ПИСЬМО

Джефферсон-стрит — тихая улица в Провиденсе. Она обходит стороной деловые кварталы и только на юге города, уже под названием Норвич-стрит, впадает в шоссе на Нью-Йорк. Местами Джефферсон-стрит расширяется, образуя небольшие площади в окаймлении буков и кленов. На одной из таких площадей, Уэйландсквер, расположилось солидное здание в стиле английских особняков, отель «Уэйландская усадьба». Когда я приехал сюда — был конец апре-

¹ Карл Филипп Мориц (1757–1793) — немецкий писатель эпохи «Бури и натиска», автобиографический «роман воспитания» «Антон Рейзер» — самое значительное его произведение.

ля, — портье извлек из ячейки для ключей письмо и вручил его мне вместе с ключом. Прямо возле лифта — лифтер уже ждал — я надорвал конверт. Впрочем, он был заклеен наспех. Письмо было коротким. Вот оно: «Я в Нью-Йорке. Не советую искать меня, это может плохо кончиться».

Сколько себя помню, я всю жизнь только и знал, что пугаться и приходить в ужас. Дрова, раскиданные по всему двору в теплых солнечных бликах; меня вносят в дом, укрывая от американских бомбардировщиков; капли крови поблескивают на ступеньках бокового крыльца, где по субботам режут зайцев. В сумерки, особенно жуткие оттого, что они еще не стали ночью, я ковыляю, смешно болтая руками, вдоль опушки леса, уже погруженного в сон, и только замшелые стволы ближних деревьев светло мерцают мне навстречу. Иногда я останавливаюсь и что-то кричу, сперва стыдясь, жалобно и робко, а потом, когда уже нет сил стыдиться и скрывать страх, ору что есть мочи; я зову из глубины леса кого-то, кого люблю, кто утром ушел в лес и все еще не выбрался оттуда... И снова по всему двору, освещенному солнцем, плавают в воздухе, цепляясь за деревянные стены, пушистые перья разбежавшихся кур.

Я направился к лифту, старик негр посоветовал смотреть под ноги, чтобы не оступиться, и я,

конечно, тут же споткнулся, входя в кабину. Негр аккуратно закрыл дверь и задвинул решетку, потом поворотом рычага привел лифт в движение.

Видно, рядом с пассажирским лифтом был грузовой: пока мы медленно тащились вверх, нас сопровождало ровное дребезжание — словно везли чашки, составленные одна на другую. Я оторвался наконец от письма и начал изучать лифтера, который, свесив голову, стоял в темном углу. Он ни разу не взглянул в мою сторону, только белая рубашка мерцала из-под темно-синего форменного кителя... Внезапно, как это часто со мной бывает, когда я не один и воцаряется гнетущая тишина, мне совершенно явственно привиделось: обезумевший негр кидается на меня. Я вынул из кармана плаща газету, купленную утром в Бостоне, и, тыча пальцем в заголовки, попытался объяснить лифтеру, что теперь, после изменения курса доллара в ряде европейских стран, мне хочешь не хочешь придется истратить все свои доллары здесь, в Америке, иначе при обратном обмене в Европе я много потеряю. Лифтер вместо ответа указал на стопку газет под скамьей — сверху на ней лежала мелочь, вырученная за проданные экземпляры, — и понимающе кивнул: номера «Провиденс трибьюн» украшали те же заголовки, что и мою «Бостон глоб».

Радуюсь, что так легко удалось заручиться расположением лифтера, я нащупал в кармане брюк купюру, чтобы в номере, как только он поставит чемодан, сразу дать ему на чай. В номере, однако, я с изумлением обнаружил у себя в руке десять долларов. Я переложил десятку в другую руку и, не вынимая пачки денег из кармана, принялся искать бумажку в один доллар, нащупал и не глядя протянул лифтеру. Оказалось, это пять долларов, и они исчезли в кулаке негра мгновенно. «Я пока не успел здесь снова освоиться», — громко сказал я себе, оставшись один. Не снимая плаща, я прошел в ванную и бессмысленно долго разглядывал не столько себя в зеркале, сколько само зеркало. Заметив наконец несколько волосков на плаще, я сказал: «У меня, значит, в автобусе волосы вылезали». Тут от изумления я сел на край ванны, ибо понял, что снова разговариваю сам с собой: прежде такое случалось давно, в детстве. Но если ребенком я говорил сам с собой, чтобы выдумать себе общество и собеседников, то сейчас, здесь, где мне больше всего хотелось смотреть вокруг и меньше всего — в чем бы то ни было участвовать, — здесь я никак не мог объяснить себе этого странного явления. Я не удержался и захихикал, а потом, словно от избытка мальчишеского озорства, даже стукнул себя кулаком по лбу, да так, что едва не свалился в ванну.

Пол в ванной комнате вдоль и поперек был выложен широкими, светлыми, напоминавшими лейкопластырь полосами — очевидно, чтобы не поскользнуться. Между созерцанием этого лейкопластыря и возвращением детской привычки внезапно возникла связь, столь прочная и столь непостижимая, что я перестал хихикать и поспешно вышел из ванной.

Прямо перед окном, из которого открывался вид на просторный парк с рассыпанными здесь и там домишками, росли стройные березы. Листья на деревьях едва пробились, солнце просвечивало сквозь них. Я поднял фрамугу, пододвинул кресло к окну и сел; ноги я положил на батарею, еще не остывшую с утра. Кресло было на колесиках, я катался на нем взад-вперед, рассматривая конверт. Светло-голубой фирменный конверт с напечатанным на оборотной стороне адресом: Отель «Дельмонико», Парк-авеню, 59-я улица, Нью-Йорк. Но на почтовом штампе значилось: Филадельфия, штат Пенсильвания. Письмо отправлено оттуда уже пять дней назад. «Вечером», — произнес я вслух, разглядев на штампе две буквы, сокращенно обозначающие вечернюю почту.

«Откуда у нее деньги на путешествие? — спросил я. — У нее, наверно, куча денег, там меньше тридцати долларов за номер не берут». Отель

«Дельмонико» я знаю больше по мюзиклам: не-задачливые фермеры пляшут прямо на улице, влетают оттуда в шикарный зал, а потом, сбившись в тесном отдельном кабинете, неловко что-то едят. «Но ведь она не умеет обращаться с деньгами — во всяком случае, как нормальные люди. Она так и не избавилась от детской страсти всем меняться, деньги для нее в буквальном смысле только средство обмена. Больше всего она радуется тому, что можно легко израсходовать или на худой конец быстро обменять, а деньги доставляют ей оба эти удовольствия сразу». Я снова взглянул за окно: вдалеке была видна церковь, в дымном мареве хлопчатобумажной фабрики она казалась еще более отдаленной. Судя по плану города, это баптистская церковь. «Письмо шло очень долго, — произнес я. — А вдруг тем временем ее убили?» Помню, сумерки, почти вечер, я ищу мать, бродя по скалам. У нее бывают приступы депрессии, и я боюсь за нее: вдруг, чего доброго, она бросится со скалы или просто сорвется. Я стою на вершине и смотрю вниз, на поселок, где уже синеют сумерки. Ничего особенного я не вижу, только две женщины, поставив на землю сумки с покупками, что-то обсуждают, точно в испуге, и тут к ним подходит мужчина; эта сцена заставляет меня снова и снова лихорадочно обшаривать взглядом вы-

ступы скал, нет ли на них обрывков платья. Я не могу разжать губы, воздух делается вдруг колким, больно дышать; от страха во мне будто все обрывается... Внизу, на улице, светили фонари, проехало несколько машин с зажженными фарами. Наверху, на скале, совсем тихо, только цикады звенят. Я все больше ощущаю тяжесть собственного тела. Вот уже и на бензоколонке у въезда в поселок зажегся свет. Но ведь еще светло! Люди идут по улице быстрее обычного. Так и стоял я на вершине, переминаясь с ноги на ногу, пока не заметил фигуру, двигавшуюся очень медленно, гораздо медленней других. И по этой походке я узнал мать, которая в последнее время все делала очень медленно. Она переходила улицу, но не поперек, а наискось, пересекая ее по долгой диагонали.

Я подкатился на кресле к ночному столику и попросил соединить меня с отелем «Дельмонико» в Нью-Йорке. Юдит нашли в списке постояльцев только после того, как я назвал ее девичью фамилию. Она уже пять дней как уехала, не оставив адреса; между прочим, она забыла в номере фотоаппарат: не переслать ли его на ее европейский адрес? Я ответил, что завтра буду в Нью-Йорке и заберу аппарат сам.

— Да, — повторил я, положив трубку, — ее супруг.

И быстро, чтобы не захихикать снова, переехал обратно к окну.

Не вылезая из кресла, я стянул плащ и перелистал дорожные чеки, которые, наслышавшись о здешних ограблениях, получил в Австрии в обмен на наличные. Служащий банка, правда, обещал принять чеки по тому же курсу, но введение плавающего курса, естественно, освобождает его от этого обязательства. «На что же мне целых три тысячи долларов?» — подумал я вслух. И тут же ни с того ни с сего решил потратить все деньги здесь — хотя менять такую сумму было сущей блажью — и пожить бездельником в свое удовольствие. Я еще раз позвонил в отель «Дельмонико» и попросил номер на завтра. Выяснилось, что свободных мест нет, и мне тут же пришлось в голову заказать номер в отеле «Уолдорф-Астория», но, едва начав переговоры, я снова передумал и, вспомнив о Фрэнсисе Скотте Фицджеральде, книгу которого как раз читал, попросил номер в отеле «Альгонкин» на 44-й улице — Фицджеральд часто там останавливался. Там и место свободное нашлось.

Потом, включая воду в ванной, я вдруг сообразил, что Юдит просто-напросто сняла все деньги с моего счета. «Не надо было давать ей доверенность», — произнес я задумчиво, хотя догадка эта ничуть меня не расстроила, наоборот,

даже слегка развеселила. Было любопытно — но только в первую минуту, — чем все обернется; потом я вспомнил, какой видел ее в последний раз: это было вечером, она лежала, вытянувшись на кровати, заговорить с ней было уже невозможно, она так взглянула на меня, что, направившись к ней, я застыл на полдороге, ибо уже ничем не мог ей помочь.

Я уселся в ванну и дочитал «Великого Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Это история любви, в ней рассказывается, как один человек купил себе дом на берегу бухты только для того, чтобы каждый вечер видеть свет из окон дома на другом берегу бухты, где любимая женщина жила с другим мужчиной. Насколько одержим был Великий Гэтсби своим чувством, настолько же он был и стыдлив; женщина же, чем неумней и чем бесстыдней становилась ее любовь, вела себя все более трусливо.

«Конечно, — проговорил я, — я застенчив. Но в чувствах к Юдит я просто трус. Я всегда боялся быть с ней откровенным. Теперь я все яснее вижу, что стыдливость, которой я даже гордился, веря, что она помогает все терпеливо сносить, оборачивается самой обыкновенной трусостью, когда я делаю ее мерилom своей любви. Великий Гэтсби стыдлив только в манере выражения своей любви, а любовь эта неистова, он одержим

чувством. Он вежлив. Вот и я хочу быть таким же вежливым и таким же безоглядным в любви. Если еще не поздно».

Не вылезая из ванны, я открыл слив. Вода стекала очень долго, и, пока я сидел, откинувшись и закрыв глаза, мне чудилось, будто вместе с усыпляющим журчанием воды и я сам делаюсь все меньше и меньше и в конце концов полностью растворяюсь. Вода сошла, мне стало холодно, только тогда я очнулся и встал. Вытираясь, я оглядывал свое тело, прикосновение полотенца возбуждало меня. Сперва через полотенце, потом просто рукой я начал мастурбировать. Это длилось невыносимо долго, иногда я открывал глаза и смотрел на матовое окно ванной комнаты; тени березовых листьев трепетали на белом стекле. Когда наконец изверглось семя, колени у меня подломились. Потом я снова ополоснулся под душем, вымыл ванну и оделся.

Я долго лежал на кровати, безуспешно пытаюсь хоть что-то себе представить. Сперва было почти больно, потом приятно. В сон меня не клонило, но и думать ни о чем не хотелось. Недалеке за окном слышались не то шелчки, не то удары и крики студентов, игравших в бейсбол на спортплощадке Браунского университета.

Я встал, выстирал гостиничным мылом пару носков, потом спустился в вестибюль. Лифтер,

подперев голову руками, сидел возле лифта на скамеечке. Я вышел на улицу. Вечерело. Таксисты на площади переговаривались друг с другом через окна машин и наперебой зазывали меня. Когда они остались позади, я отметил про себя, что не откликнулся на их предложения ни словом, ни жестом, и эта мысль мне приятно польстила.

«Ну вот, ты уже второй день в Америке, — подумал я, сошел с тротуара на мостовую и снова ступил на тротуар. — Интересно, изменился ли ты за это время?» Против воли я на ходу оглянулся, потом нетерпеливо посмотрел на часы. Случалось, иная книга пробуждала во мне жадное желание наяву пережить прочитанное; так и сейчас Великий Гэтсби требовал, чтобы я немедленно, во что бы то ни стало преобразился. Потребность сделаться иным, перестать быть самим собой ощутилась вдруг почти телесно, как вожделение. Я попробовал представить, возможно ли в нынешнем моем положении выказать и применить те чувства, что поселил во мне Великий Гэтсби, — сердечность, предупредительную внимательность, спокойную радость и счастье. И вдруг понял, что с помощью этих чувств смогу навсегда вытравить из сознания свой страх, свою вечную готовность к испугу. Я могу испытывать эти чувства, и главное, они

применимы — мне никогда больше не придется обмирать от страха! Но где же, где те люди, которым я смог бы наконец показать, что умею быть другим? Прежнее свое окружение, родных, знакомых, я до поры до времени оставил, а в здешнем, чужом мире я просто некая личность, которая расхаживает по улицам, пользуется общественными учреждениями, ездит в городском транспорте, живет в гостиницах, коротает часы в барах и ни для кого ровным счетом ничего не значит. Да я и не хочу ничего значить, ведь тогда снова пришлось бы прикидываться. Мне казалось, что я наконец-то избавился от привычки обращать на себя внимание окружающих, «подавать себя», дабы этого внимания удостоиться. И все же, чем сильнее влекло меня к людям, чем больше хотелось быть открытым для них, тем пугливее увиливал я от всякого, кто шел по тротуару навстречу; мне тягостно видеть чужие лица, я испытываю все то же застарелое отвращение ко всему, что вне меня, что не есть я сам. И хотя за то время, что я брел по Джефферсон-стрит, мысль о Юдит один раз все-таки навестила меня (чтобы отогнать ее, пришлось сделать выдох и даже короткую пробежку), сознание мое оставалось безлюдным, и меня бросило в жар от ярости, ярости столь лютой, что она граничила с жаждой убийства, и столь же безысходной, ибо я не умел на-

править ее ни против себя, ни против чего-либо иного.

Я шел переулками. Уже зажглись фонари, в их свете небо казалось особенно голубым. Под деревьями в бликах заходящего солнца ослепительно зеленела трава. В палисадниках цветы на кустах плакуче клонились к земле. Неподалеку за углом хлопнула дверца длинного американского лимузина. Я повернул обратно на Джефферсон-стрит и в погребке, где не подавали спиртного, выпил имбирного пива. Дождавшись, когда два кубика льда растают на дне кружки, я допил и эту водицу, после сладкого имбиря она приятно горчила. На стене возле каждого столика щиток с кнопками, можно, не сходя с места, включать музыкальный автомат. Я бросил в прорезь монетку в двадцать пять центов и выбрал «Sitting On The Dock Of The Bay»¹ Отиса Реддинга. Думал я при этом о Великом Гэтсби и ощутил вдруг, что уверен в себе как никогда, я почти себя не помнил от самоуверенности. Мне непременно удастся многое переиначить. Меня узнать будет нельзя! Я заказал бифштекс по-гамбургски и кока-колу. Тут я почувствовал, что устал, и зевнул. Но в середине зевка где-то во мне возникла жутковатая пустота, которая тотчас же заполнилась

¹ «Сидя на причале у залива» (англ.).